

Жан-Жак Руссо

Трактаты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ж27

Ж27 **Жан-Жак Руссо**
Трактаты / Жан-Жак Руссо – М.: Книга по Требованию, 2024. – 716 с.

ISBN 978-5-458-24529-6

Руссо впервые в политической философии попытался объяснить причины социального неравенства и его виды, иначе осмыслить договорный способ происхождения государства. Он полагал, что государство возникает в результате общественного договора. Согласно общественному договору верховная власть в государстве принадлежит всему народу. Суверенитет народа неотчуждаем, неделим, непогрешим и абсолютен. Закон как выражение общей воли выступает гарантией индивидов от произвола со стороны правительства, которое не может действовать, нарушая требования закона. Благодаря закону как выражению общей воли можно добиться и относительного имущественного равенства. Руссо решил проблему эффективности средств контроля за деятельностью правительства, обосновал разумность принятия законов самим народом, рассмотрел проблему социального неравенства и признал возможность её законодательного решения. Руссо писал по всем вопросам волнующих эпоху Просвещения. Своей философской и социологической мысли он является настоящей эмблемой своего времени и теоретической предтечей Великой французской революции.

ISBN 978-5-458-24529-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Т Р Е Д А К Ц И И

Несмотря на большую популярность социально-политических произведений Жан-Жака Руссо в России, на их плодотворное воздействие на нашу передовую общественную мысль, переводы многих из них относятся еще к концу XVIII в., а некоторые вообще никогда не переводились.

Мысль об издании главных социально-политических произведений Руссо в серии «Литературные памятники» принадлежала академику В. П. Волгину, принявшему на первой стадии этой большой работы непосредственное участие в ней. Осуществлялась она во время нового подъема интереса к творчеству философа в связи с широко отмеченным в 1962 г. 250-летием со дня его рождения.

Составители стремились к тому, чтобы данное издание заключало в себе все главные социально-политические сочинения Руссо, представляющие наибольший теоретический интерес. Так как объем книги не позволял поместить все их полностью, то некоторые представлены лишь частично («Письма с Горы», «Соображения об образе Правления в Польше») и вошли в раздел «Дополнений», содержащий и фрагменты незавершенных сочинений Руссо на социально-политические и исторические темы. Сюда же вошли впервые публикуемые Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС конспективные выписки К. Маркса из «Общественного договора» Руссо, относящиеся к 1843 г.

Перевод всех включенных в данное издание произведений осуществлен заново, а частично — впервые (первый набросок «Общественного договора», «Письма с Горы», «Проект конституции для Корсики», фрагменты социально-политических сочинений).

Авторы переводов стремились не только наиболее точно и полно передать содержание мысли Руссо, но и сохранить многообразие средств ее литературного выражения, особенности его стиля.

Особое внимание было уделено соблюдению единого подхода к воспроизведению сложной, далеко еще не устоявшейся терминологии трактатов Руссо.

Целям соблюдения стиля эпохи служит сохранение свойственного традиции XVIII в. и индивидуальной манере Руссо применения им заглавных букв в написании ряда понятий-терминов при определенном оттенке их зна-

чения (Государство, Правление, Закон, Суверен и др.), равно как и сохранение курсива, служащего для выделения определенной части текста, а также выполняющего роль кавычек (например, в названиях упоминаемых им книг).

В основу переводов было положено остающееся лучшим, сделанное Ч. Воганом на основании изучения рукописей и первых публикаций произведений Руссо издание его «Политических сочинений» (J.-J. Rousseau. *Political writings, edited from the original manuscripts and the authentic editions with introductions and notes by C. E. Vaughan, v. I, II. Cambridge, 1915*), а также третий том «Собрания сочинений» Руссо, осуществляемого в наши дни во Франции в серии «Библиотека Плеяды» под руководством Б. Ганьебена, М. Раймона и при участии многих видных специалистов — авторов обширных и ценных комментариев (J.-J. Rousseau. *Oeuvres complètes, t. III. Contrat social et écrits politiques. Paris, «Bibliothèque Pléiade», 1964*).

Все примечания с нумерацией римскими цифрами принадлежат Руссо, как подстрочные, так и расположенные за текстом «Рассуждения о происхождении неравенства». Знаком * отмечены подстрочные переводы иноязычных текстов, сделанные А. Д. Хаютиным. Примечания составителей к тексту произведений Руссо имеют нумерацию арабскими цифрами и помещены в последнем разделе издания («Приложения»). Ссылки на сочинения Руссо в статьях и примечаниях, там где это не оговорено особо, даются (в скобках) на страницы настоящего издания.

Редакция выражает признательность дирекции Шотландской Национальной галереи (Эдинбург), любезно предоставившей для данного издания репродукцию с хранящегося в ней портрета Руссо работы художника А. Рамзей, а также редактору «Собрания сочинений» Руссо, издаваемого «Библиотекой Плеяды», декану филологического факультета Женевского университета профессору Б. Ганьебену и б. директору Библиотеки г. Невшатель Клер Росселе за ценные текстологические консультации.

ТРАҚТАТЫ

ЖАН-ЖАК РУССО

Портрет работы А. Рамзей. Масло, 1765 г.

Национальная Шотландская галерея. Эдинбург.

РАССУЖДЕНИЕ,
ПОЛУЧИВШЕЕ ПРЕМИЮ
ДИЖОНСКОЙ АКАДЕМИИ В 1750 ГОДУ
ПО ВОПРОСУ,
ПРЕДЛОЖЕННОМУ ЭТОЮ ЖЕ АКАДЕМИЕЙ:
«СПОСОБСТВОВАЛО ЛИ
ВОЗРОЖДЕНИЕ НАУК И ИСКУССТВ
ОЧИЩЕНИЮ ПРАВОВ?»¹

Barbarus hic ego sum, quia non
intelligor illis

Ovid[ius]*.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ²

Что такое известность? Вот злосчастный труд, коему я обязан моею известностью. Конечно же, это сочинение, которое принесло мне премию и создало мне имя, в лучшем случае — посредственно и, смею добавить, оно — одно из самых незначительных во всем этом издании³. Какой бездны терзаний совсем не знал бы автор, если бы это первое его сочинение было принято лишь так, как оно того заслуживало. Однако должно же было случиться, чтобы благосклонность, тогда еще неоправданная, навлекла на меня постепенно строгости, которые еще более несправедливы⁴.

ПРЕДИСЛОВИЕ⁵

Вот один из самых великих и прекрасных вопросов, которые когда-либо поднимались. В этом Рассуждении речь идет вовсе не о тех метафизических тонкостях, которые заполнили все области литературы и от которых не

* Я здесь чужеземец, ибо никто меня не понимает. О в и д и й⁶ (лат.).— Тринтии, V. Элегия X, стих 37.

всегда свободны и академические программы, но об одной из тех истин, от коих зависит счастье человеческого рода.

Предвижу, что мне нелегко простят то, что я осмелился предложить свое решение в этом споре. Прямо нападая на то, чем люди нынче восхищаются, я могу ожидать лишь всеобщего осуждения; и даже если удостоился одобрения нескольких Мудрецов⁷, не могу все же рассчитывать на одобрение Публики; и потому выбор мой сделан: я не надеюсь угодить ни Остроумцам, ни Кумирам моды. Во все времена будут люди, которым суждено подчиняться воззрениям своего века, своей Страны и своего Общества. Иной корчит из себя сегодня Вольнодумца и Философа; по той же причине он обязательно был бы фанатиком во времена Лиги⁸. Совсем не для таких Читателей надо писать, если хочешь прожить долее своего века.

Еще одно слово, и я кончаю. Мало рассчитывая на ту честь, какая была мне оказана, я до такой степени переработал и расширил это Рассуждение после того, как отослал его, что сделал из него в некотором роде новое произведение⁹. Теперь же я счел себя обязанным восстановить сей труд в том виде, в каком он был отмечен премией. Я лишь вставил в него несколько примечаний и сохранил два добавления, которые легко увидеть¹⁰ и которые, быть может, не получили бы одобрения Академии. Я считал, что справедливость, уважение и признательность требуют от меня, чтобы я сделал это предупреждение.

РАССУЖДЕНИЕ ПО ВОПРОСУ:

СПОСОБСТВОВАЛО ЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ НАУК И ИСКУССТВ ОЧИЩЕНИЮ НРАВОВ?

Decipimur specie recti *.

Возрождение Наук и Искусств очищению или же порче Нравов¹¹ способствовало? Вот что предстоит нам рассмотреть. Чью сторону должен я принять в этом вопросе? Ту, господа, которая подобает порядочному человеку, если он ничего не знает, но не теряет из-за этого ни в какой мере уважения к самому себе.

Трудно будет,— и я это чувствую,— отстаивать то, что предстоит мне сказать, в том Суде, перед которым я выступаю. Как решиться хулить Науки перед одним из учнейших собраний в Европе, восхвалять невежество перед знаменитою Академией¹² и примирить презрение к научным за-

* Мы, честные люди, обманываемся видимостью правды (лат.)¹³. Г о р а ц и й. Искусство поэзии, 25.

нятиям с уважением к истинным Ученым? Я видел все эти противоречия, но они меня не остановили. Не Науку я оскорбляю,— сказал я самому себе,— Добродетель защищаю я перед людьми добродетельными. Честность для людей порядочных еще дороже, чем ученость для ученых. Чего же мне страшиться? Просвещенности ли собрания, меня слушающего? Да, я страшусь, признаюсь в этом; но за построение моей речи я опасаюсь, а не за мнение оратора. Справедливые Властители всегда без колебаний сами признавали себя неправыми, когда в спорах возникало сомнение; а для того, кто отстаивает правое дело, положение всего благоприятнее, когда ему приходится защищаться перед честным и просвещенным противником, судьей в собственном своем деле.

К этому соображению, меня ободряющему, присоединяется еще и другое, заставляющее меня решиться: я принял сообразно природному моему разумению сторону истины, и чего бы я ни добился, одна награда все же не уйдет от меня — я найду ее в глубине моего сердца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сколь величественно и прекрасно зрелище, когда видим мы, как человек в некотором роде выходит из небытия при помощи собственных своих усилий; как рассеивает он светом своего разума мрак¹⁴, коим окутала его природа, как поднимается он над самим собою, как возносится он в своих помыслах до небесных пределов; как проходит он гигантскими шагами, подобно солнцу, по обширным пространствам Вселенной, и — что важнее еще и труднее,— как он углубляется в самого себя, чтобы в себе самом изучить человека и познать его природу, его обязанности и его судьбу. И все эти чудеса вновь совершились на памяти недавних поколений¹⁵.

Европа уже опять впадала в варварство первых веков¹⁶. Народы этой части света, ныне столь просвещенные, жили несколько столетий тому назад в состоянии худшем, чем невежество. Не знаю, какой наукоподобный жаргон, еще более презренный, чем само невежество¹⁷, присвоил себе право называться наукой и поставил возвращению настоящего знания почти неодолимые препятствия. Нужен был переворот, чтобы опять привести людей к здравому смыслу; и он пришел, наконец, с той стороны, с которой его меньше всего можно было бы ждать. Тупой мусульманин¹⁸, этот извечный гонитель литературы,— вот кто возродил ее среди нас. С падением трона Константина¹⁹ обломки древней Греции были перенесены в Италию. Франция в свою очередь обогатилась от этих драгоценных останков. Вскоре за литературою последовали науки: к искусству писать присоединилось искусство мыслить: последовательность эта кажется странной, и все же она, быть

может, более, чем естественна: и людям стало открываться главное преимущество общения с музами,— преимущество это делает людей более общительными, так как оно внушает им при помощи произведений, достойных общего одобрения, желание друг другу понравиться.

У духа есть свои потребности, как и у тела. Эти последние образуют самые основания общества; первые же придают ему приятность. В то время как Правительство и Законы обеспечивают безопасность и благополучие объединившихся людей, Науки, Литература и Искусства — менее деспотичные, но, быть может, более могущественные,— покрывают гирляндами цветов железные цепи²⁰, коим опутаны эти люди; подавляют в них чувство той исконной свободы, для которой они, казалось бы, рождены; заставляют их любить свое рабское состояние и превращают их в то, что называется цивилизованными народами. Необходимость воздвигла троны; Науки и Искусства их укрепили. Сильные мира сего, возлюбите дарования и покровительствуйте тем, кто их развивает¹.

Цивилизованные народы, развивайте дарования: счастливые рабы, вы им обязаны этим нежным и тонким вкусом, которым вы кичитесь, этой кротостью характера и благоразумною сдержанностью нравов, которые делают общение между вами столь тесным и легким; одним словом, дарования дают вам видимость всех добродетелей, хоть вы и не обладаете из них ни одною.

Вот такого рода обходительностью, тем более приятною, чем менее она старается себя показать, отличались некогда Афины и Рим в столь превозносимые дни их величия и блеска; безусловно, благодаря этой же именно обходительности и наш век, и наша Нация переживут все времена и все народы. Философский тон без педантизма, естественные и все же предупредительные манеры, равно далекие как от германской грубости, так и от итальянского фыглярства,— вот плоды вкуса, приобретенного основательными занятиями и усовершенствованного в светском общении.

Как было бы приятно жить среди нас²¹, если бы внешность всегда выражала подлинные душевные склонности, если бы благопристойность была добродетелью, если бы наши возвышенные моральные афоризмы служили нам в самом деле правилами поведения, если бы настоящая философия была неотделима от звания философа! Но столь многие качества слишком редко

¹ Государи всегда рады видеть, как среди их подданных распространяется вкус к приятным искусствам и к излишествах, если это не влечет за собою вывоза денег; ибо, помимо того, что таким путем они воспитывают в подданных душевное убожество, столь присущее рабству, они еще очень хорошо знают, что все потребности, которые теперь появляются у народа, суть цепи, которые он сам на себя возлагает. Александр, желая удержать ихтиофагов в зависимом от него положении²², принудил их отказаться от рыбной ловли и питаться теми же продуктами, что и другие народы; но дикарей Америки, которые ходят совершенно нагими и живут лишь тем, что им приносит охота, так и не удалось покорить; в самом деле, какое ярмо можно наложить на людей, которым ничего не нужно?

оказываются вместе, и добродетель едва ли шествует с такою пышною свитой. Богатство наряда может говорить нам о зажиточности человека, а его изящество — о том, что это человек со вкусом, но здоровый и крепкий человек узнается по другим приметам: под деревенской одеждою землепашца, а не под шитым золотым нарядом придворного, — вот где окажется сильное и крепкое тело. Наряды не менее чужды добродетели, которая есть сила и крепость души. Добродетельный человек — это атлет, который находит удовольствие в том, чтобы сражаться нагим; он презирает все эти ничтожные украшения, которые помешали бы ему проявить свою силу и большая часть которых была изобретена лишь для того, чтобы скрыть какое-нибудь уродство.

До того, как искусство обтесало наши манеры и научило наши страсти говорить готовым языком, нравы у нас были грубые и простые, но естественные, и различие в поведении с первого взгляда говорило о различии характеров. Человеческая природа, в сущности, не была лучшею, но люди видели свою безопасность в легкости, с какою они понимали друг друга, и это преимущество, ценности которого мы уже не чувствуем, избавляло их от многих пороков.

Ныне, когда более хитроумные ухищрения и более тонкий вкус свели искусство нравиться к определенным принципам, в наших нравах воцарилось низкое обманчивое однообразие, и все умы кажутся отлитыми в одной и той же форме: вежливость без конца чего-то требует, благопристойность приказывает, мы без конца следуем обычаям и никогда — собственному своему разуму. Люди уже не решаются казаться тем, что они есть; и при таком постоянном принуждении эти люди, составляющие стадо, именуемое обществом, поставленные в одинаковые условия, будут все делать то же самое, если только более могущественные причины их от этого не отвратят. Никогда не знаешь как следует, с кем имеешь дело: для того, чтобы узнать своего друга, нужно таким образом ждать крупных событий, т. е. ждать, когда на это уже нет больше времени, так как именно ради этих событий и было бы важно узнать, кто твой друг.

Какая вереница пороков тянется за этою неуверенностью. Нет больше ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни обоснованного доверия. Подозрения, недоверие, страхи, холодность, сдержанность, ненависть постоянно скрываются под этим неизменным и коварным обличем вежливости, под этою столь хваленою благовоспитанностью, которой мы обязаны просвещенности нашего века. Никто уже не станет поминать всуе имя Владыки вселенной, но его оскорбляют богохульством, и это не оскорбляет наш слух. Люди уже не превозносят свои собственные заслуги, но они умаляют заслуги других людей. Никто уже не станет грубо оскорблять своего врага, но его умеют ловко оклеветать. Национальная вражда угасает, но вместе с нею угасает и любовь к Отечеству. Невежество, достойное презрения, заменяется

опасным пирронизмом²³. Появляются недозволенные излишества, бесчестные пороки; но иные из пороков и излишеств награждаются именем добродетелей; нужно обладать ими или притворяться, что ими обладаешь. Пусть кто угодно превозносит воздержанность мудрецов нашего времени; я же вижу в этом лишь утонченную развращенность, столь же мало достойную моей похвалы, как их искусственная простота^{II}.

Вот какой чистоты достигли наши нравы; вот как стали мы добродетельными людьми. Литература, науки и искусства вправе требовать, чтобы оценили по достоинству то, что принадлежит им в этом столь спасительном превращении. Я добавлю только одно соображение: если бы житель каких-нибудь отдаленных стран попытался создать себе представление о европейских нравах, исходя из состояния наук в наших странах, из совершенства наших искусств, из благопристойности наших театральных представлений, из мягкости наших манер, из приветливости наших речей и из того, как люди всякого возраста от утренней зари до заката солнца, казалось бы, только и делают, что наперебой стараются перещеголять друг друга в услужливости, — то у этого чужеземца сложилось бы о наших нравах представление как раз обратное тому, что они собой представляют в действительности.

Там, где нет никакого результата, там нечего искать и какой-либо причины, но здесь результат несомненен — явная испорченность; и наши души развратились по мере того, как шли к совершенству наши науки и искусства. Можно ли сказать, что это несчастье свойственно лишь нашему веку? Нет, господа, беды, вызванные нашим ненужным любопытством, стары, как мир. Ежедневные приливы и отливы вод Океана не более связаны с движением планеты, что светит нам по ночам²⁴, чем судьба нравов и честности с успехами наук и искусств. Люди видели, что добродетель исчезла по мере того, как их сияние поднималось все выше над нашим горизонтом, и то же явление наблюдалось во все времена и повсеместно.

Возьмите Египет — эту первую школу вселенной — с его благодатным климатом под медным, раскаленным небом; взгляните на эту знаменитую страну, откуда Сезострис²⁵ некогда отправился завоевывать мир. Эта страна становится матерью философии и изящных искусств, и вскоре после этого — завоевана Камбизом, затем греками, римлянами, арабами и, наконец, турками²⁶.

Возьмите Грецию, некогда населенную героями, которые дважды одолели Азию, один раз у Трои, а другой — у собственных своих очагов²⁷. Рождающаяся литература не внесла еще испорченности в сердца ее обитателей; но развитие искусств, разложение нравов и иго македонца последовали непосредственно одно за другим; и Греция по-прежнему ученая, по-прежнему сладо-

^{II} «Я люблю, — говорит Монтень, — собеседование и спор, но лишь с немногими и в тесном кругу. Ибо служить зрелищем для великих мира сего и выставять напоказ свой ум и умение болтать я считаю делом вовсе неподобающим для порядочного человека»²⁸. Таково ремесло всех наших остроумцев, кроме одного²⁹.